

РОССИЙСКИЕ ЭМИССАРЫ В ПЕЛОПОННЕСЕ И АРХИПЕЛАГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1770–1774 годов

18 февраля (1 марта) 1770 г. небольшая русская эскадра впервые появилась у берегов Греции в порте Витула (Итило), в области Мани. В период османского господства область эта фактически была неподвластна туркам, и маньятты встретили русских моряков с большой радостью. Они целый день палили из ружей и пистолетов и произвели салют русскому флагу из нескольких старых орудий. Прибытие русской эскадры стало сигналом к освободительному восстанию, охватившему вскоре всю Морею¹ и распространившемуся и на другие области Греции. Восстание это, поддержанное русскими силами, потерпело поражение. Но вслед за ним последовала блестящая победа русского флота в Чесменской битве. Успешные операции русского флота в эгейских водах, естественно, получили гораздо большее освещение, чем предшествовавшие им неудачные операции греко-русских сил на земле Греции. Но операции эти достойны внимания не только как неотъемлемая часть Архипелагской экспедиции 1770–1774 гг., но и как важная страница в истории Греции.

В этой связи заслуживает специального рассмотрения вопрос о связях, установленных правительством России с политическими силами Греции накануне 1770 г. Нельзя сказать, что этот вопрос остался совершенно вне поля зрения исследователей. Большое внимание Архипелагской экспедиции уделил выдающийся русский историк С.М. Соловьев. В своем труде “История России с древнейших времен” он упоминает о миссии российских эмиссаров Г. Папазоли и М. Саро, посланных Г.Г. Орловым в Грецию в 1763 г. Называется здесь и некто И.И. Петушин, отправленный Екатериной II в Грецию в 1769 г. для подготовки здесь антитурецкого восстания². Все историки, писавшие об Архипелагской экспедиции, ограничивались в этом контексте повторением сведений, приведенных С.М. Соловьевым. Это относится и к работе академика Е.В. Тарле, впервые опубликованной в 1945 г. и до сих пор являющейся наиболее авторитетным исследованием о дальнейшей экспедиции русского флота³. Между тем документы, обнаруженные недавно в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), позволяют дополнить и скорректировать имеющиеся сведения о деятельности российских эмиссаров в Пелопоннесе накануне Архипелагской экспедиции. Важнейшим из этих новых документов является записка, представленная, по-видимому, в конце 1768 г. греком И. Палатино первоприсутствующему в Коллегии иностранных дел Н.И. Панину по его требованию⁴.

Ари Григорий Львович – доктор исторических наук, почетный доктор Афинского университета, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Термин этот, употреблявшийся до национального освобождения Греции, используется в статье как синоним термина “Пелопоннес”.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Соловьев С.М. Соч. в 18 кн., кн. 14, т. 27–28. М., 1994, с. 272, 291, 298.

³ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). – Тарле Е.В. Соч. в 12 т., т. 10. М., 1959, с. 22.

⁴ АВПРИ, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, 1776–1795, д. 5644, л. 105–114.

Как уже говорилось, в 1763 г. фаворит Екатерины II генерал-фельдцейхмейстер (главнокомандующий артиллерией) послал в Грецию двух эмиссаров – греческого купца из Петербурга Саро и артиллерийского поручика Папазоли. В отчете, представленном в мае 1765 г., Саро писал, что они были посланы в Грецию, “к спартанскому народу”. Здесь следует пояснить, что “спартанцами” с гордостью называли себя жители горной области Мани на юге Пелопоннеса, расположенной недалеко от тех мест, где находилась древняя Спарта. Они, как писал Саро, “хотя и живут в турецком владении, но совсем им не покорны”. Посланцы России должны были “пригласить их, дабы они в случае с турками войны были против их”⁵.

В конце 1763 г. Папазоли и Саро прибыли в Венецию. Папазоли решил найти здесь надежного человека, который помог бы им в осуществлении возложенной на них миссии. Он нашел его в лице греческого купца Палатино, уроженца Кефаллинии – одного из греческих островов, подвластных тогда Венеции.

Уже позже, в записке Панину, Палатино сообщил, что Папазоли предъявил ему грамоту, якобы за подписью Екатерины II, на греческом языке, обращенную к жителям горных краев Балкан – Мани, Химары и Черногории. В изложении Палатино, в грамоте говорилось, что “Ея Императорское Величество, ревнуя о благочестии, желает стеснящий под игом варварским православный народ избавить, посылает от себя ево, Папазола, чтоб уверил о всевысочайшей к ним милости и покровительстве, а притом изведаль бы о желании о состоянии сих народов”. Высочайший манифест произвел на Палатино большое впечатление, и он решил оказать поддержку Папазоли в осуществлении его миссии, о чем русский эмиссар очень его просил. Палатино весьма эмоционально описывает принятое им решение и его мотивы: “Имевшие хотя малое с греками обхождение довольно ведают, с какою ревностью, усердием и любовью сей народ стремится к всероссийской империи. Следовательно, и ему, Палатину, слыша толь приятные выражения, не оставалось другого, как токмо пренебречь все, которые только можно было вообразить опасности, и приступить к тому всеохотно”.

Опасности же Палатино и его новых товарищей ожидали немалые. В Средиземном море свирепствовали тогда пираты, и судно Палатино на пути в Грецию подверглось нападению двух триполитанских пиратских кораблей. По совету Палатино Папазоли выбросил тогда в море все имевшиеся у него бумаги. Папазоли также попросил Палатино отдать ему свой австрийский паспорт, который обеспечил бы его безопасность. “Жалость и предстоящая погибель, в которую Папазол себя ввергнул, – вспоминал Палатино, – убедили исполнить плачевную его просьбу тем паче, что естли бы варвары дознались, что он российский офицер и намерение поездки его открыли, произвело бы не только великое смятение, но нанесло б неповинно многим из его Палатина одноземцев пагубу”.

Отдав свой паспорт, Палатино совершил подлинно героический поступок: он таким образом спас жизнь Папазоли и Саро, представившегося его слугой, и дал им возможность приступить к своей миссии. Сам же Палатино, сделавшись, по его словам, “пленником безчеловечных варваров, лишился всего до последней рубахи и, заключенный в оковы, увезен в Триполи”.

Ксеромеро и другие горные области на западе Греции были одним из первых мест, которые посетили российские эмиссары. Реальная власть здесь была, по выражению Саро, у “старшей капитании”: Стафа, Букувало, Макрипульо, Жудро. Российские эмиссары без труда нашли общий язык с этими предводителями клефтоарматолов, как они называются в греческой историографии⁶. “Оные, – как писал Саро, – никогда в подданстве турок по своему православию быть не хотят, и против их с великою радостью пойдут и к себе могут пригласить великое множество и других греков, тамо живущих”.

⁵ Российский государственный архив древних актов, ф. 15, д. 146, л. 10–11.

⁶ Арматолы и клефты – вооруженные греческие отряды, существовавшие при турецком господстве.

Папазоли и Саро посетили также и горный край Южной Албании – Химару. Отношения химариотов с турецкой властью были аналогичны отношениям с ней греческих горцев. “Турку они никогда не покорялись, – говорилось в записке Саро, – закону православного греческого, и они также против турка восвать в состоянии с немалою силою”.

О пребывании Папазоли в Химаре и в соседнем Эпире в 1764 г. имеется документальное свидетельство, принадлежащее Д. Бицилли. Этот представитель видной семьи Химары, капитан венецианской службы, пользовался большим влиянием в Южной Албании и Эпире, и Папазоли постарался завербовать его на российскую службу. Для этого, как позднее вспоминал сам Бицилли в прошении Екатерине II, российский эmissар излагал “некоторые из своих политических взглядов и поручения, касающиеся большого проекта диверсии против Оттоманской Порты”. Среди различных имевшихся перспектив он умело рисовал идею распространения “Святой Христианской религии, августейшее покровительство Вашего Императорского Величества и прекраснейшие ожидания постоянного благополучия для всякого, кто пошел бы за русским знаменем и взял бы в руки оружие, когда это будет необходимо”⁷.

После завершения своей миссии на западе Балкан Папазоли вернулся в Венецию, Саро же направился в Мани, важнейшую цель поездки российских эmissаров, с задачей подготовить здесь восстание в случае войны России с Турцией, которая затруднялась тем, что у Саро отсутствовали какие-либо документы, подтверждающие его статус.

Тем не менее, как утверждает Саро, ему удалось собрать наиболее видных капитанов Мани на “великое собрание”, и те заверили его, что “они против турок, яко православной христианской вере неприятелей, с немалою силою стоять рады”. Он сообщает существенную деталь: во встрече принял участие и крупнейший землевладелец Пелопоннеса, важная политическая фигура П. Бенакис. По словам Саро, “в том собрании один грек Бинакий, весьма богатый и почтенный дворянин, так собьяснялся, что он и самих подданных туркам греков лакедемонов⁸, всех против турок подымет; только б были под покровительством Всемилостивейшей Государыни”.

В конце 1764 г. Саро покинул Мани и в мае 1765 г. вернулся в Петербург. Тогда же он представил и свой отчет, ставший для нас одним из двух главных источников для освещения миссии Папазоли – Саро. В заключении отчета было высказано важное предположение о том, как можно поднять греков на восстание против Оттоманской Порты.

“По моему усердию, смею представить и о том, чтоб отправить в Средиземное море (Архипелоус тоже) против турок десять российских военных кораблей, и на них нагрузить и пушек довольно число. Где, коль скоро бы завидели греки толь великое множество, сообщились с российскими греческия немалые суда. Только б удовольствованы были пушками, ибо они теми недостаточны. Об них же можно сказать, что они народ смелой и храброй”. Любопытно, что предложение Саро стало как бы сценарием предпринятой через четыре года Архипелагской экспедиции.

Между тем Палатино, пройдя через мытарства плена в логове триполитанских пиратов, был через три месяца выкуплен своими земляками и вернулся в Венецию. Здесь он снова встретился с Папазоли, и тот попросил его отправиться в Мани, так как, по утверждению Палатино, он не был уверен, что Саро справится со своей миссией. Палатино принял это предложение и начал тщательно готовиться к поездке в далекий и беспокойный греческий край. По его собственным словам, зная, “какие по сему делу от неосторожности Папазола и товарища его разсеялись в тамошних народах опасные слухи”, он предпринял все меры для того, чтобы скрыть подлинные цели своей поездки. В Венеции он, накупив различных товаров, отправился с ними (по-видимому в конце

⁷ АВПРИ, ф. Письма и прошения разных лиц на иностранных языках, оп. 14/1, 1779, д. В–119, л. 2.

⁸ Речь идет здесь о жителях южной и центральной части Пелопоннеса.

1764 г.) в Морею и распродал их в различных городах. Здесь он сумел подружиться с некоторыми знатными турками, заверив их, что направляется в Мани для закупки шелка и оливкового масла. Один из этих турок, воевода Каламаты (Каламе) Мемиси-ага, дал ему для охраны четырех турок, а также письмо к видному капитану Мани Г. Мавромихалису, которого он назвал своим “другом и приятелем”.

По прибытии в Мани и после того, как были отправлены обратно сопровождавшие его турки, “повел он капитана Мавромихала в церковь и, обязав его там присягою, открыл ему намерение и причины путешествия своего, который при ответствовании похвалял его поступок и поведение”. В то же время Мавромихалис, “старший из тамошних капитанов”, как называет его Палатино, сетовал на конфликты между капитанами Мани, что мешало дать согласованный ответ правительству России. Тогда этот добровольный российский эmissар решил во что бы то ни стало восстановить согласие между видными маньятами.

“Достигнув сего с великим трудом, – писал Палатино, – открыл в собрании тамошних начальников или капитанов намерение свое, для которого к ним приехал. Что услыша, обрадовались и единогласно объявили: что они, по единоверию и отличной к Ея Императорскому Величеству ревности, готовы жертвовать кровию и животом для славы ея империи и спасения правоверного народа от ига варварского, обещаая при том послать от себя поверенных ко всероссийскому императорскому двору для принесения всеподданнического повинования и преданности”.

Затем Палатино перебрался в местечко вблизи Мани, где намеревался ждать прибытия делегации, которая должна была отправиться в Россию. Но вскоре его известили, что маньяты отложили посылку своих представителей, по крайней мере до того момента, когда умолкнут распространившиеся по всей Морее толки о том, что Мани приняла подданство Российской империи. Возможно, подлинной причиной перемены намерений маньятов было желание подождать до прояснения позиции самой России. Палатино вернулся в Венецию и сообщил Папазоли о решении маньятов. Тот же, по утверждению Палатино, предложил ему самому поехать в Россию вместе с некоторыми другими лицами под видом представителей Мани и даже дал ему письма якобы от имени жителей этой горской общины к руководству России, где говорилось, что “все общество Мании предает себя в высочайшее благоволение и милость Ея Императорского Величества, как верные рабы и подданные”.

Однако Палатино, по его словам, не захотел участвовать в этом обмане и, прибыв в Петербург в 1766 г., передал сочиненные артиллерийским поручиком письма маньятов статс-секретарю Екатерины II А.В. Олсуфьеву. Но, судя по всему, в Петербурге не стали разбираться с обвинениями своего добровольного эmissара. Здесь считали (и считали правильно), что надо использовать энергию, знания, энтузиазм всех греков – добровольных помощников России.

Одним из важных результатов поездки Палатино в Мани было то, что видные люди этого полунезависимого горного края начали устанавливать прямые контакты с руководством России. Делать это было очень не просто, и не только из-за сложности сообщений того времени. Необходимость сохранять строжайшую тайну при сношениях петербургского двора с греческими подданными султана привела к тому, что документы эти либо не сохранились, либо их подлинность вызывает сомнение. Но в данном случае мы будем говорить о документе, подлинность которого каких-либо сомнений не вызывает. Речь идет о письме Мавромихалиса Екатерине II от 26 декабря 1765 г. (6 января 1766 г.), русский перевод которого, современный оригиналу, сохранился в архиве⁹.

Как сообщалось в письме, “прошлого года приехали сюда два ваши человека, именуемые из которых один Джиован, а другой Манолаки, и нам сказали, что они присланы от Вашего Самодержавства, и что они имели к нам письма, токмо на дороге пой-

⁹ АВПРИ, ф. Сношения с Турцией, оп. 89/8, 1765, д. 89, л. 1–3. Ветхий оригинал документа не сохранился.

мамы были морскими разбойниками и ограблены и что они при себе не имели все то, что у них взято, как письма и все прочее". Таким образом, в письме Мавромихалиса мы находим полное подтверждение рассказа Палатино о его миссии¹⁰. Маниотский капитан обращался к императрице с просьбой о помощи в освобождении греков от чужеземного ига: "Да поможет нам Бог, а потом и Вашего Самодержавства помощь ко избавлению христиан из рук антихристовых, который не перестает оных мучить". Со своей стороны Мавромихалис утверждал, что при определенной помощи Мани может стать важной базой освободительной борьбы: "Отечество наше само собой крепкое местоположением своим, и собрать можно в нем войска до пятидесяти тысяч, лишь только то трудно, что за турецкою границею, и ни от кого никакой помощи мы не имеем; того ради мы с турками в миру находимся". Помощь Мавромихалису со стороны России была обещана, но значительно позже – уже после начала русско-турецкой войны.

Вернемся теперь к Палатино. В записке о своей миссии в Греции он приводил данные "о состоянии греческих народов, знаменитыми пред прочими там храбростию и частыми с турками сражением". На первом месте здесь стоит горная область Пелопоннеса – Мани: "Майна есть область южной части Мореи или Пелопоннеса, коея жителей называют маниатами. Они остаток славного в древние времена лакедонского народа, имеют у себя форму правления республиканскую. Военная их сила хотя не более четырнадцати тысяч вооруженных людей, однако турки и поднесь покорить их не могли. Они дани им не платят, имея притом с Мальтою великую дружбу. Владение их окружается по большей части горами и морем, где имеют разные пристанища"¹¹.

Другим важным очагом антитурецкой борьбы Палатино считал горную область, расположенную между Эпиром и Фессалией. Саро, побывавший там, в записке среди прочих видных местных капитанов назвал и Букуваласа. Палатино же выделил его как наиболее авторитетного военного предводителя Западной Греции: "Ян Букувал и называется у тамошних народов главной арматою, а иногда старший капитан, имея в ведомстве своем других подчиненных ему капитанов... из коих каждой имеет на своем содержании до пяти сот вооруженных людей, а в нужном случае могут все великое число войска поставить. Сей Букувал, по всегдашним с турками и арнаутами сражениям, по всей Греции славен и у тамошних христиан великую любовь и доверенность имеет, которых защищает он от налогов и хищений, чинимых им турками и арнаутами, и содержит их в страхе".

Для организации освободительного восстания в Греции требовалось объединить все силы, боровшиеся против османского господства, и Палатино выражал готовность взять на себя "сию комиссию". По его словам, "он за веру и любовь ко своему отечеству не токмо оную всеохотно примет, но жизнь свою [готов] не щадить, принести в жертву".

В случае, если ему доверят эту миссию, Палатино обещал отправиться сразу на остров Корфу и оттуда – в места вооруженного антитурецкого сопротивления: в Химару, Западную Грецию, к Букуваласу и в Мани. Он просил, чтобы ему "для тамошних архиереев и светских начальников дана пригласительная ко принятию оружия грамота", а также необходимое число манифестов об объявлении Россией войны Турции на греческом языке. "Для большего ободрения" видных духовных и светских лиц Палатино предлагал провести раздачу духовным персонам по одной панагии, а светским начальникам – по одной медали для ношения на груди с портретом Екатерины II. Важным условием для того, чтобы побудить греков поднять восстание против власти поработителей, должна была быть их уверенность, "что Россия никогда от них не отступится, ниже мириться с турками впредь осуждения их не станет".

¹⁰ Под "Джиованом" здесь имеется в виду Палатино, а под "Манолоки" – Манолис Саро. Весьма вероятно, что именно Палатино доставил это письмо в Петербург.

¹¹ К своей записке Палатино приложил отдельную записку о Мани, автором которой был маньят, капитан Н. Мунгакис. См.: История Балкан: век восемнадцатый. М., 2004, с. 434–435.

Как и Саро, Палатино считал, что для обеспечения антитурецкого восстания в Греции было бы важно, "чтобы Россия отправила корабельную эскадру с военным снаряжением" в Коринфский залив и создала здесь базу для сообщения не только с греками, но и со славянскими народами.

В это время шла уже русско-турецкая война, и в правящих кругах России обсуждался план экспедиции в Средиземное море. Поэтому предложения Палатино должны были привлечь большое внимание. К этому добровольному агенту России в Петербурге отнеслись весьма доброжелательно. Он пробыл в столице России более двух лет и встречался здесь с высокопоставленными лицами: Г.Г. Орловым, Н.И. Паниным, А.В. Олсуфьевым. От последнего, в компенсацию понесенных им расходов в ходе своей предыдущей миссии, он получил 200 червонных.

С 1766 г. Палатино находился в Петербурге; но российские эмиссары продолжали действовать в Греции. По-видимому, в начале этого года ее снова посетил Папазоли¹². На сей раз он побывал и в Мани. В беседах с весьма влиятельным капитаном Георгиосом Мавромихалисом и его братом Иоаннисом он убедился в их скептическом отношении к перспективе восстания в Пелопоннесе в связи с планами России. По их мнению, маньяты могли бы успешно вести оборонительную войну, но плохо приспособлены для наступательных действий. О боевых же качествах своих соотечественников предводители маньятов были весьма низкого мнения. Они считали, что на остальных греков русские рассчитывать не должны, так как они привыкли дрожать и бежать при первых угрозах со стороны турок.

В то же время Бенакис проявил полную готовность помогать русским в случае их появления на полуострове. На собранном им совещании в его резиденции в Каламате с участием видных светских и духовных лиц было принято обязательство поднять на восстание 100 тыс. греков, как только они получат оружие и русские корабли появятся в виду греческого побережья. Мотивом действий Бенакиса в данном случае было, по мнению К. Рюльера, его желание стать правителем Пелопоннеса под протекцией Екатерины II.

Важные сведения о положении в Греции в канун русско-турецкой войны содержались и в записке В.С. Томары, представленной руководству российского внешнеполитического ведомства им самим. Миссия его отличалась от миссий других российских эмиссаров. Впоследствии крупный чиновник, он в 60-х годах XVIII в. учился в Италии, в 1767 г. поступил на военную службу, а в 1769 г. перевелся в Коллегию иностранных дел и в должности переводчика был командирован в Венецию.

Еще до поступления на императорскую службу Томара совершил поездку (или поездки) в Грецию. Свою "Записку о греках" он подал Панину 21 декабря 1768 г. (1 января 1769 г.), уже после начала русско-турецкой войны. Записке предшествует авторское предисловие: "В случае, если Ее Императорское Величество захочет поднять греков на восстание, я считаю своим долгом сообщить те сведения, которые я получил во время своих путешествий и в результате моих доверительных отношений с людьми из Греции, как духовными, так и светскими. Они позволяют мне, как я надеюсь, также дать правильное представление о стране, где можно было бы поднять восстание с большим успехом"¹³.

Наибольшее внимание здесь уделено Пелопоннесу как арене будущего антитурецкого восстания. Здесь главными носителями вооруженного сопротивления завоевателям, как признавали все наблюдатели, были горцы Мани. Сам Томара писал, что Мани населена "народом диким и суеверным до крайности. Этот народ не только сохранил свою древнюю свободу, но вместе с другими греками, остающимися под господством

¹² Единственным источником сведений о миссии Папазоли в Грецию в 1766 г. является работа французского дипломата и публициста К. Рюльера: *Rulhière C. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république*, t. 3. Paris, 1807, p. 350–355.

¹³ АВПРИ, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, 1711–1797, д. 5630, л. 104–110, Basile de Tamara. *Mémoire sur les Grecs*.

или скорее под тиранией турок, ведет с ними войну, и ведет ее с таким преимуществом, с каким такая маленькая нация может вести ее с такой державой, как Порты”.

Далее в записке приводились сведения, во многом совпадавшие с теми, которые ранее российскому руководству сообщил об этой, вольной и труднодоступной области Пелопоннеса Палатино. Томара подтвердил, что Мани в то время делилась на пять округов, каждый из которых управлялся капитаном. Все вместе они могли выставить до 15-ти тыс. вооруженных людей. Автор приводил интересные сведения об одном из капитанов, точнее говоря, об одной капитанше. Среди капитанов, писал он, “имеется женщина по имени Димитрия или Димитракина, которая не уступает по храбрости самым храбрым среди них. Не имеется какого-либо важного дела, где бы она не оказалась во главе своих, которых она умеет заставить любить и уважать себя”. Помимо присутствия в Мани большого числа вооруженных людей, возможным плацдармом антитурецкого восстания в Греции ее делало наличие здесь трех морских портов, неподконтрольных Порте.

В записке Томара содержались сведения и о Пелопоннесе в целом: о населении полуострова, о его городах и крепостях и их гарнизонах. В этом отношении из записки создавалось впечатление о слабости существовавшей здесь оборонительной системы: почти везде крепости находились в руинах и состоявшие из янычар гарнизоны были незначительными. Однако ход военных операций русско-греческих сил в Пелопоннесе в 1770 г. показал, что оборонительный потенциал турок в этой области был в записке явно занижен.

Перспективы антитурецкого восстания в Греции Томара оценивал весьма оптимистически. Он приводил в доказательство тесные духовные связи, соединявшие греков с Россией: “Всеми миру известно их (греков. — Г.А.) крайнее рвение к религии, их любовь к свободе, их непримиримая ненависть к их тиранам, их чувства к нашему отечеству... Они твердо верят в то, что пророчество, столь распространенное и среди турок, и среди греков о разрушении Оттоманской империи русскими, сможет исполниться только при царствовании Екатерины Второй”.

Но, как и Палатино, Томара считал, что для того чтобы поднять греков на восстание, им необходимо предоставить определенные гарантии. По его словам, “несмотря на все это благоприятное расположение никогда не удастся побудить эти народы взяться за оружие без торжественного обещания со стороны России не заключать мира до того, пока враги христианского имени не будут полностью изгнаны из Европы”.

Важным условием организации в Греции освободительного восстания Томара полагал также доставку в страну “оружия, в котором нуждается греческая нация”. Для этого он считал необходимым использовать ежегодно происходившую весной в Сенигалии, в папских владениях на Адриатическом море, ярмарку.

Папазоли, Саро, Палатино, Томара были не единственными российскими эмиссарами, посетившими Грецию накануне восстания 1770 г. Были и другие, сведения о пребывании которых в Греции не столь определенны.

Так, в последние годы XVIII в. в Морее еще ходила молва о некоем Хаджи Мурате, посетившем этот край в 1767 г. — якобы он путешествовал в костюме муллы и говорил по-турецки. Увидев, что греки тяготеют турецким игом и желают его сбросить, он установил контакт с Бенакисом и через него — с наиболее влиятельными епископами и землевладельцами. Они заверили, что если императрица pošлет к полуострову русскую эскадру с оружием, оно у греков отсутствует, то найдет здесь 50–60 тыс. человек, которые, встав под командование русских офицеров, без труда овладеют Мореей и ее крепостями. После этого Хаджи Мурат вернулся в Россию и отсюда сообщил вождам греков, что он убедил императрицу осуществить это вторжение. Рассказ этот приводит французский путешественник А. Кастеллан, ссылающийся в свою очередь на Бремона, французского генерального консула в Корони, долгое время служившего в Морее¹⁴. Проверить этот рассказ по русским источникам не удалось.

¹⁴ *Castellan A. Lettres sur la Morée*, t. 3. Paris, 1820, p. 216–217.

Деятельность российских эмиссаров позволила выявить слабые пункты османского господства на Балканах, в частности в Греции. В то же время сообщения эмиссаров, как правило греков, руководствовавшихся благими соображениями, создавали преувеличенное представление о силе народного сопротивления иноземным поработителям, что отрицательно сказалось на подготовке Архипелагской экспедиции российского флота.

В сентябре 1768 г. Порты объявила войну России, и вскоре Екатерина II приняла решение о походе Балтийского флота в Средиземное море. Ее военная цель состояла в “уничтожении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции”¹⁵. Неожиданный удар в мягкое подбрюшье Османской империи в сочетании с решительными действиями русской армии на Дунайском театре войны должен был поставить Порты на колени и принудить к миру.

Несомненно, что замысел средиземноморской экспедиции был связан и с балканской политикой России. У Екатерины II тогда еще не было каких-либо планов политического переустройства Балкан в результате их освобождения от османского ига. Сама же идея освобождения присутствует в обращениях царицы к грекам и другим балканским народам уже с начала русско-турецкой войны. Так, в царском манифесте от 19(30) января 1769 г. говорилось: “Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области из поносного порабощения избавляемые и народы, руководством нашим вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость, для сохранения всех тех выгодностей, которые они своим храбрым подвигом в сей нашей войне с вероломным неприятелем одержат”¹⁶.

В грамоте же Екатерины II от 29 января (9 февраля) 1769 г. уточнялось, какого “подвига” она ожидает от “благочестивых греческих и славенских народов”: “Ударяйте уже на общего нашего врага согласными сердцами и совокупными силами продолжая и простирая ополчение и победы ваши даже до самого Константинополя... Изжените оттуда остатки агарян со всем их злочестьем и возобновите православие в сем ему посвященном граде! ...Настал к тому час удобный, ибо вся громада неверных будет в удалении в нашей стороне и там совершенно упражняема дарованными нам от Бога силами. Кроме того, что число благочестивых обывателей как на твердой земле, так и на островах Архипелага несравненно везде превосходит число неверных и что они, без сомнения, с охотою и радостию к подвигу вашему приобщаясь, силы ваши собою и имуществом своим гораздо умножать будут, обещаем мы вам всем всякое от нас по дальности мест возможное подкрепление и вспомоществование”¹⁷.

18(29) июля 1769 г. эскадра вице-адмирала Г.А. Спиридова вышла из Кронштадта и взяла курс к далеким берегам Греции. Руководство средиземноморской экспедицией Екатерина II поручила генерал-поручику графу А.Г. Орлову. Пока эскадра медленно шла своим долгим и сложным путем вокруг Европы, Орлов, находившийся с осени 1768 г. в Италии, использовал свое пребывание вблизи Греции для установления контактов с горцами Мани. Подробности этих контактов нам известны из письма Орлова капитанам Мани от 8(19) ноября 1769 г.¹⁸

¹⁵ Материалы для истории русского флота, ч. XI. СПб., 1886, с. 358.

¹⁶ *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 г., т. 1. СПб., 1866, с. 106.

¹⁷ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984, с. 292.

¹⁸ Опубликованы две копии этого письма: греческая и русская, извлеченные из семейных бумаг семьи Мавромихалисов в Греции и России. Копии различаются адресатами: если в греческом варианте адресатом письма были “честные и благородные капитаны всей Мани”, то в русском варианте оно было адресовано Мавромихалису. См.: *Κουρέα Σ.* Συμβολαί εις την ιστορίαν της υπό τούς Ορλώφ Πελοποννησιακής επαναστάσεως (1770). — Πελοποννησιακά, т. 1. Αθήναι, 1956, σ. 55–59; *Сафонов С.* Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы. — Записки Одесского общества истории и древностей, т. 1. Одесса, 1844, с. 207.

Из письма явствует, что российского генерала в Пизе, где он тогда находился, посетили С. Мавромихалис, племянник главы могущественной семьи Мани Г. Мавромихалиса, и А. Адамопулос, венецианский грек, выполнявший посреднические функции в сношениях между властями России и вождями Греции. Орлов писал, что из писем капитанов Мани он удостоверился в том рвении, с которым они готовы служить “великой нашей императрице и вашей собственной родине”. Он также извещал своих греческих партнеров, что вскоре сам прибудет к ним “вместе с большой помощью”. Руководитель готовившейся в Греции военной кампании просил к его приезду осуществить необходимые приготовления: оповестить людей о скором выступлении, оборудовать помещения для русского войска и местных добровольцев, заготовить для войск пшеницу и другой провиант, собрать как можно больше лошадей, ослов и мулов.

Предложенный Орловым план подготовки к военным действиям включал в себя оригинальный и совершенно непонятный для современного человека пункт: маньятам следовало внедрить в турецкие крепости на юге Мореи по 20 человек, якобы для работы, и чтобы каждый принес с собой два-три гвоздя: “Когда время придет, им будет дано знать, куда их употребить”¹⁹.

Важным элементом подготовки похода русского флота в Средиземное море была отправка в балканские страны специальных эмиссаров для установления прямых контактов с теми силами, которые боролись против османской власти и могли бы поддержать военные усилия России.

29 января (9 февраля) 1769 г. Екатерина II написала рескрипт на имя А.Г. Орлова, предполагаемого руководителя средиземноморской экспедиции. Согласно этому рескрипту, в Грецию направлялся “к начальникам, тамошнему Буковалу и маинскому Мавро-Михайле, венецианский грек Иван Иванов, сын Петушин. Он избран в сию посылку по неоднократной его в той стороне бывалости, а особливо потому, что он пред несколькими годами привез ко двору нашему от сих начальников письма, в коих они и тогда уже представляли готовность свою к услугам Империи нашей. С сих писем следуют здесь переводы, вместе с копиею посланного ныне к Буковалу и Мавро-Михайле от имени нашего действительного тайного советника графа Панина. Упоминаемые от него знаки состоят в двух золотых медалях. На проезд дано Петушину двести червонных”²⁰.

В упоминаемом здесь письме Панина Мавромихалису от 22 января (2 февраля) 1769 г.²¹ говорилось, что война России с Турцией “представляет удобнейший случай всем православным народам Эллады оказать великие услуги церкви Христовой, а с тем вместе, с одной стороны, заслужить и приобрести наивысшая милости, могущественную защиту и покровительство Ея Императорского Величества, а с другой, освободить себя навсегда от ига порабощения; и что братское и христианское соединение всех вообще храбрых и мужественных единоплеменников их и совокупное возстание для преследования врага вне и внутри его пределов обещает верный успех”.

В заключение в письме сообщалось, что доставит его Мавромихалису нарочный. Очевидно, речь шла о том самом “венецианском греке Иване Иванове, сыне Петушине”, о котором упоминала в своем рескрипте Екатерина II. Но откуда взялся этот “венецианский грек” “с таким чисто русским именем и фамилией”, по замечанию Тарле, и куда делся Иоанн Палатино?

Ответ на этот вопрос может дать сопоставление рескрипта Екатерины II от 29 января (9 февраля) 1769 г. с запиской Палатино Панину (1768 г.). Фактический материал в

¹⁹ По мнению греческого историка С. Кугеаса, речь здесь шла о применявшемся в XVIII в. способе выведения из строя пушек путем забивания гвоздя в маленькое отверстие, из которого выходит фитиль для зажигания ее заряда. См.: *Κουρέας Σ.* *Op. cit.*, σ. 59.

²⁰ Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. — Сборник Русского исторического общества, т. 1. СПб., 1867, с. 4–5.

²¹ См.: *Сафонов С.* Указ. соч., с. 206.

обоих документах во многом совпадает. И там, и здесь в числе главных военных предводителей Греции названы Буковалас и Мавромихалис, а также говорится об отправке для видных лиц медалей, по-видимому с портретом Екатерины II. Совпадают также сведения о сумме субсидии, предоставленной отправляемому в Грецию эмиссару — 200 червонных. Кроме того, в обоих документах и Палатино, и Петушин фигурируют как венецианские купцы. Все это дает основания утверждать, что Палатино никуда не делся, а, по-видимому, из соображений конспирации был переименован в “Ивана Иванова, сына Петушина”. Переименование это произошло, как можно полагать, в 1766 г., после приезда Палатино в Петербург.

Предположение это косвенно подтверждается документом, обнаруженным в делах Коллегии иностранных дел: “Трек Иван Иванов сын Петушин в 1766 году приехал сюда с некоторыми секретными письмами, откуда и отково, и что в то время с ним сделано”. Из этого дела явствует, что каких-либо данных о том, откуда и от кого и с какими секретными письмами приехал в Петербург “Петушин” в Коллегии иностранных дел не получили, а известно о нем стало потому, что Панин приказал выдать ему паспорт для выезда за границу, что и было сделано 22 августа (2 сентября) 1766 г.²²

Так, в свете новых документов, выглядит таинственная личность “венецианского грека Ивана Иванова, сына Петушина”.

18 февраля (1 марта) 1770 г. к порту Витуло (Итило) в Мани подошла российская эскадра. После семимесячного похода вокруг Европы из 15 кораблей, вышедших из Кронштадта, до берегов Греции дошло 5, в том числе 3 линейных корабля, на борту которых находилось в общей сложности около 2,5 тыс. человек. Остальные корабли были повреждены или отстали²³.

Появление русских сил в водах, а затем и на суше Греции стало здесь сигналом к освободительному восстанию. Началась та эпоха греческой истории (1770–1774 гг.), которая в современной греческой историографии получила название “орловщина” (Ορλωφικά). Полное освещение этой темы выходит за рамки данной статьи. Мы лишь кратко коснемся хода событий в Пелопоннесе и их последствий для судеб Греции²⁴.

Неизвестно, смогли ли маньяты провести те подготовительные мероприятия к прибытию русского флота, о которых просил их Орлов. Но есть сведения, что определенные приготовления в Морею к прибытию русских кораблей все же проводились.

Так, в записках одного из командиров русской эскадры говорится о некоем Заиме, представителе богатой землевладельческой семьи Пелопоннеса, “приготовившем собственными средствами огромные запасы сухарей и другой провизии, так что этого было достаточно для продовольствования всей экспедиции в продолжении нескольких месяцев”²⁵.

Маньяты, как уже говорилось, встретили появление российской эскадры, несмотря на ее малочисленность, с большим энтузиазмом. Из греческих добровольцев были сформированы два легиона: западный и восточный. Правда, численность их была значительно меньше, чем предполагали российские эмиссары. В свою очередь ограниченность сил русских солдат, высадившихся в Греции, вызвала разочарование у греков: западный легион, которым командовал майор князь П.В. Долгоруков, состоял из 200 греков и 12 русских солдат, а восточный, под командованием капитана Баркова, — из 1200 греков и 20 русских. В формировании их активное участие принял Бенакис. Несмотря на малочисленность греко-русских сил, в марте 1770 г. они смогли освободить почти весь юг Пелопоннеса, а 10(21) апреля 1770 г. объединенным силам западного легиона и морс-

²² АВПРИ, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, 1737–1773, д. 5643, л. 175.

²³ Головачев В.Ф. Чесма: экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.—Л., 1944, с. 14, 28.

²⁴ О совместных с греческими повстанцами операциях русских сил в Пелопоннесе см.: *Соловьев С.М.* Указ. соч., с. 359–362; *Тарле Е.В.* Указ. соч., с. 34–39.

²⁵ Собственноручный журнал капитан-командира (впоследствии адмирала) С.К. Грейга. — Морской сборник, т. II, № 10. СПб., 1849, с. 655.

кого отряда под командованием бригадира И.А. Ганнибала, деда А.С. Пушкина, удалось овладеть крепостью Наварин. Начавшись в Пелопоннесе, восстание вскоре распространилось и на области материковой Греции: Акарнанию, Эпир, Фессалию, Аттику и достигло до отдаленного острова Крит²⁶.

Однако с конца марта ситуация для объединенных греко-русских сил в Пелопоннесе осложнилась. Порта ввела для подавления восстания значительный корпус, набранный из албанцев-мусульман, считавшихся лучшими солдатами Османской империи. По некоторым данным, их численность составляла 15 тыс. человек. Между тем боеспособность сражавшихся против них сил падала: ее подрывала слабая боевая подготовка повстанцев, недисциплинированность маньятов, составлявших их большую часть, и их жестокость. Маньяты не только убивали сдававшихся при капитуляции турецких солдат, но и устраивали резню женщин и детей. В результате гарнизоны турецких крепостей в Пелопоннесе стали упорно сопротивляться. Потерпев неудачу при осаде турецких крепостей Модона (Метони) и Корона (Корони), что создало угрозу для базы русского флота в Наварине, Орлов решил покинуть греческий полуостров. 26 мая (7 июня) 1770 г. русские силы, предварительно взорвав крепостные сооружения Наварина, покинули его. Далее события развивались с калейдоскопической быстротой. Эскадра Г.А. Спиридова, соединившись с вновь прибывшей эскадрой Дж. Эльфинстона, настигла турецкий флот в проливе между островом Хиос и малоазиатским побережьем, и в ожесточенной битве 24–26 июня (5–7 июля) полностью уничтожила его. После этого русский флот установил свое господство в Архипелаге, ставшем базой его операций в Восточном Средиземноморье.

Вину же за неудачу своей сухопутной операции в Морее Орлов целиком возлагал на греков. В частности, в 1772 г. он писал Панину: “Робость и неверность греков в самом открытии сей экспедиции заградили нам все пути к сухопутным предприятиям и заставили устремить все силы наши на действия морския”²⁷. Однако авторитетные российские историки критически отнеслись к таким доводам. Соловьев отвергает прозвучавшее из уст графа обвинение греков в трусости: “Греки, с которыми имел дело Орлов, не были трусами, но при условиях своего быта они не были способны к наступательному движению, к битвам в чистом поле; они были храбры, неодолимы в войне оборонительной, при защите искусственных или природных укреплений”²⁸.

Есть немало фактов, опровергающих огульные обвинения Орлова в адрес греков. Так, стоит здесь привести характеристику, которую дал Ганнибал поведению модонского епископа Анфимоса Каракалоса при штурме Наварина: “Во время начальства моего под городом Наварином, где застав одного епископа с немалым числом военных и прочих усердствующих греков, я большую помощь получил; и по справедливости скажу, что он оказывал беспримерное и несомнительное усердие и доброжелательство к поспешествованию побед оружия Ея Величества. Он не только уговаривал своих иноземцев словами, но и в труднейших случаях, не уважая сан свой и семидесятилетнюю старость, примером собственным к тяжчайшим трудам поощрения делал, и находился во все время приступа сего города безотлучно на ботареи, подверженной сильнейшему огню неприятельскому”²⁹.

Пелопоннесцы продолжали сражаться и после ухода русских сил с полуострова. Более того, успехи русских на море породили в Пелопоннесе надежду на возобновление восстания при поддержке русской армии. Об этом сообщил Л. Бенакис, сын П. Бенакиса, поступивший на российскую службу после поражения восстания. В его автобиографической записке, представленной в 1797 г. в Коллегию иностранных дел, говорилось: “В 1770 году он командовал 12000 майногов, когда турки, после баталии

при Модоне, засели в Каламате, несколько дней кряду имели с ними сшибки, пока отец его приказал ему оставить город и удалиться в Майну, где должно было укрепиться до возвращения флота, оставившего Морею для преследования неприятеля”. Сам же Бенакис отправился на встречу с Орловым и, как утверждает его сын, тщетно убеждал его после уничтожения турецкого флота вернуться с войсками в Пелопоннес³⁰. Между тем албанские отряды овладели всем этим греческим краем, кроме Мани, где они встретили непреодолимое сопротивление свободолюбивых горцев.

Хотя восстание в Пелопоннесе и не возобновилось, многие пелопоннесцы продолжили сражаться в составе русского флота в Архипелаге. По некоторым данным, еще во время пребывания русских в Наварине из добровольцев – греков и албанцев – по распоряжению Орлова было сформировано пять батальонов, в том числе батальоны мореотов и маньятов³¹. Греки-добровольцы плечом к плечу с русскими солдатами и моряками сражались во многих битвах. Из этих добровольцев, после окончания войны переселившихся в Россию, в 1783 г. было создано специальное воинское подразделение – Греческий полк, в 1797 г. преобразованный в Балаклавский батальон. Первым его командиром стал С. Мавромихалис. Война 1768–1774 гг. тесно связала некоторые видные фамилии Пелопоннеса с Россией. В России образовалась своя ветвь капитанской семьи Мани Мавромихалисов, которая установила связь с российскими эмиссарами накануне Архипелагской экспедиции. Родоначальником этой ветви и стал С. Мавромихалис.

Большую помощь русским военачальникам при подготовке и проведении операции в Пелопоннесе оказали отец и сын Бенакис. В рекомендательном письме, данном в 1774 г. А.Г. Орловым Либералу Бенакису, говорилось, что он “вместе со своим отцом оказал для нас отменные услуги, как то в набирании людей, так и в постановлении провиантов для войск Ея Величества за что турки, злобствуя на него, разорили его дом, лишили всего имения, состоящего на полуострове Мореи и причинили как ему, так и всей его родне разные гонения”³². Русское правительство поддержало имущественные претензии семьи Бенакисов к Порте, и ему удалось добиться частичного возвращения этой семье принадлежавшей ей огромной земельной собственности в Пелопоннесе. Сам же Л. Бенакис был принят на русскую дипломатическую службу, а в 1783 г. назначен генеральным консулом на Корфу; эту должность он занимал до самой своей смерти в 1820 г.

Восстание 1770 г. стало важной вехой в истории борьбы Греции за национальное освобождение³³. Но поражение восстания имело тяжкие последствия для населения Пелопоннеса. Эта богатая греческая провинция подверглась опустошению, многие ее жители стали жертвами насилия и террора со стороны отрядов албанских наемников,

³⁰ Там же, 1797–1798, д. 1686, л. 4–5.

³¹ К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. – Русский архив, кн. 2. М., 1876, с. 273.

³² АВПРИ, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, 1774, д. 602, л. 3.

³³ К сожалению, в книге Г.А. Гребенщиковой “Балтийский флот в период правления Екатерины II” (СПб., 2007) дается искаженная картина событий 1770 г. в Греции. Автор отрицает наличие у греков какого-либо национального самосознания (с. 267). Одновременно оспаривается и тот очевидный факт, что на восстание греков подтолкнуло русское правительство (с. 256), о чем свидетельствуют опубликованные документы: манифесты Екатерины II, письма Н.И. Панина и А.Г. Орлова к греческим вождям. Отрицается и факт массового участия греческих добровольцев в операциях русского флота в Архипелаге (с. 276), хотя именно на базе отрядов этих добровольцев в России после окончания русско-турецкой войны были созданы специальные греческие воинские подразделения. Нельзя пройти мимо и попыток Гребенщиковой дискредитировать других авторов, писавших об Архипелагской экспедиции 1770–1774 гг., в частности Е.В. Тарле. Утверждается, что этот маститый ученый, критикуя одного выходца из дворянской среды с громким титулом (князя Ю.В. Долгорукова), действовал якобы в соответствии с некими “реалиями социалистической эпохи” (с. 266). На самом же деле заслуги перед отечеством многих представителей дворянских фамилий, в том числе и с громкими титулами, были оценены должным образом именно благодаря военно-историческим трудам Е.В. Тарле.

²⁶ Ιστορία του Ελληνικού Έθνους, т. 11. Αθήνα, 1975, с. 64–76.

²⁷ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770–1773. – Русский архив, кн. 3. М., 1880, с. 254.

²⁸ Соловьев С.М. Указ. соч., с. 361.

²⁹ АВПРИ, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, 1786–1787, д. 1983, л. 13.

фактически оккупировавших Пелопоннес до 1779 г. Были разрушены до основания многие города, разорены поля. Спасая свою жизнь, тысячи мореотов укрылись в горах, бежали на острова и даже в Малую Азию. Убыль населения здесь в 1770–1779 гг. была весьма значительной. Как говорилось в одном из донесений 1780 г. А.С. Стахиева, российского посланника в Константинополе, Пелопоннес опустошен до такой степени, что “оставшееся там число жителей не в состоянии снимать на себя и до тридцати тысяч харачных билетов, кои до прошлой войны обыкновенно за семьдесят тысяч простирались”³⁴. Это говорит о резком падении численности греческого населения Пелопоннеса, так как “харачные билеты” представляли собою свидетельства об уплате хараджа – подушного налога, которым облагались только немусульмане.

Русско-турецкую войну завершил в 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор, обеспечивший закрепление России на побережье Черного моря. Он имел огромное значение и для балканских народов, в частности греков. За Россией было признано право покровительства православному населению Османской империи. Порта вынуждена была предоставить амнистию всем участникам освободительного восстания в Греции. Согласно статье 17-й договора острова Архипелага возвращались Порте, но за Россией признавалось право особого покровительства этим островам, что свидетельствовало о том, что приоритеты русской политики в Греции переместились с Пелопоннеса на Архипелаг. На это же указывает и то, что Россия, приступив к основанию своих консульств в Греции, в соответствии с правом, полученным по Кючук-Кайнарджийскому договору, шесть из них учредила в Архипелаге и только одно – в Пелопоннесе³⁵. Война 1768–1774 гг. создала важные моральные и материальные предпосылки для расширения национально-освободительной борьбы греческого народа. У греков возросла вера в собственные силы; как писал в 1803 г. известный греческий просветитель А. Кораис, греки отныне убеждены в том, “что их угнетатели – это люди, которых можно побеждать, как они их побеждали рядом с русскими и что вполне возможно и самим им их побеждать, если ими будут руководить способные вожди”³⁶. Русское правительство и дипломатия продолжили и расширили покровительство грекам как в России, так и в Османской империи. В результате, несмотря на тяжкую катастрофу, постигшую Морю, широкие массы греческого народа по-прежнему с большой симпатией и надеждой смотрели в сторону России.

³⁴ АВПРИ, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, 1780, д. 562, л. 43.

³⁵ См.: *Арш Г.Л.* Российские консульства в Греции в период правления Екатерины II. – Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории. Афины – Москва, 2008.

³⁶ *Coray.* Mémoire sur l'état actuel de la civilisation dans la Grèce. [Paris, 1803], p. 22.